Комментарий
3 сентября 2024

Отношениям США и Китая нужно больше страха

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Отношения Вашингтона и Пекина все глубже погружаются в ловушку исторических противоречий. Выбраться из нее хотели бы и одни, и другие, но сделать это очень сложно. Для успеха дипломатии нужно больше страха.

Содержание

1 Визит в тумане американских выборов
2 Супердержавы XXI века в исторической ловушке
3 Чего ждать?

На прошлой неделе советник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан осуществил трехдневный визит в Китай. Главным пунктом его пекинской повестки дня стали переговоры с министром иностранных дел КНР и главой канцелярии комиссии ЦК КПК Ван И. Также его приняли председатель Си Цзиньпин и заместитель председателя Центрального военного совета КНР Чжан Юся. СМИ акцентируют внимание на том, что это уже пятая личная встреча Салливана и Ван И за последние полтора года, но при этом первый визит в Китай советника по нацбезопасности США с 2016 года.

Нельзя сказать, что визит стал прорывным или даже знаковым. Единственная договоренность, о которой стороны объявили по его итогам, сводится к организации «в ближайшие недели» телефонного разговора на уровне глав государств. Тем не менее визит дает очередной повод оценить динамику и перспективу китайско-американских отношений, а также их значение для остального мира.

Визит в тумане американских выборов

В американских СМИ новости о визите советника по нацбезопасности в Пекин потерялись за многочисленными заголовками о президентской кампании. С одной стороны, это понятно. Что может быть важнее для избирателей, чем выборы главы собственного государства? Особенно сейчас, в условиях глубочайшего общественно-политического раскола в США и в момент, когда избирательная гонка вступает в решающую стадию. Да и внешнеполитические вопросы традиционно уходят на второй план в американских предвыборных дебатах.

С другой же стороны, такое незначительное медийное внимание к важным контактам с главным мировым антагонистом несколько удивляет. Отношения с Китаем уже какое-то время назад стали в США важным объектом для внутриполитической борьбы. И демократы, и республиканцы активно пытаются показать себя самыми принципиальными и решительными борцами со всем китайским и не упускают возможности обвинить оппонентов в слабости и умиротворительной линии в отношении Пекина. Показательны, например, атаки республиканцев на новоявленного кандидата в вице-президенты от Демократической партии Тима Уолтца, который когда-то преподавал и жил в Китае. Это сразу же попытались представить как повод задуматься о возможных связях Уолтца с китайским государством и спецслужбами и, соответственно, поставить под сомнение его лояльность американским интересам.

Такое все более активное использование китайской карты с целью дискредитировать внутренних политических оппонентов уже явно переплевывает аналогичные попытки разыгрывать тему российской угрозы.

> Если тенденция продолжится, то «охота на китайских ведьм» в США вскоре приблизится к уровню маккартизма конца 1940-х – начала 1950-х годов.

Вероятно, одна из целей Джейка Салливана в Пекине и заключалась в том, чтобы лишить республиканцев дополнительных возможностей обвинять администрацию Байдена-Харрис в провале политики на китайском направлении. Из лагеря Трампа часто звучит критика действующей исполнительной власти в том, что диалогами с Китаем она лишь впустую тратит время и занимается «дипломатией без содержания». Поэтому Белому дому нужно показать, что это не так. Нужно подчеркнуть, что на этих переговорах высшие должностные лица демократической администрации жестко отстаивают американские интересы и, самое главное, добиваются в этом успехов.

По словам самого Джейка Салливана, его беседы в Пекине касались всего комплекса сложных вопросов в американо-китайских отношениях. Особый акцент он делал на теме борьбы с распространением синтетических наркотиков, которая в последнее время обрамляет политические дискуссии о Китае в США. Много, очевидно, говорилось о необходимости контролировать и снижать риски в военной сфере и киберпространстве, в том числе посредством постоянных каналов коммуникации между официальными лицами двух стран. Конечно же, речь шла о проблеме взаимных ограничений в области торговли и обмена технологиями. Говорили также о наиболее опасных конфликтах и предкризисных ситуациях: на Ближнем Востоке, между Россией и Украиной, на Корейском полуострове, вокруг Тайваня и Филиппин.

Пока сложно сказать, получилось ли у Вашингтона с Пекином в ходе визита продвинуться вперед хоть по какому-нибудь из этих вопросов. Отсутствие официальных сообщений такого рода само собой не синонимично полному отсутствию прогресса в переговорах. Все же должность советника по национальной безопасности (при всей нескрываемой личной сверхамбициозности Джейка Салливана) не подразумевает громких медийных фанфар по итогам встреч с зарубежными лидерами. Поэтому стоит подождать анонсированного телефонного разговора Байдена и Си, а затем и их вероятной встречи на одном из предстоящих многосторонних саммитов.

> Тем не менее серьезных предпосылок для слома негативных тенденций в китайско-американских отношениях в кратко- и даже среднесрочной перспективе просто нет.

И дело совсем не в неопределенности из-за президентских выборов в США, которая превратила Байдена в «хромую утку» и объективно пока ограничивает для Пекина целесообразность заключать какие-то существенные договоренности с Вашингтоном. Дело в старой как мир конфликтогенности супердержав.

Супердержавы XXI века в исторической ловушке

И в США, и в КНР отношения друг с другом воспринимаются не иначе как главные двусторонние отношения современности, от которых зависит будущее всей планеты. В стратегических доктринах США и риторике американских политиков подчеркивается, что Китай – единственная держава, способная бросить реальный вызов мировому лидерству Вашингтона. Там часто повторяют, что еще никогда в истории США не противостоял такой мощный и серьезный глобальный конкурент,

который имеет ресурсы и реальные возможности «подвинуть» американцев практически во всех областях: от высокотехнологичных секторов экономики до военно-промышленной сферы и гуманитарного влияния в мире. В Китае, разумеется, США также воспринимаются как самый «значимый другой». Как главный вызов и политическая проблема.

Достаточно беглого взгляда на базовые цифры, чтобы согласиться с китайцами и американцами. По ключевым показателям для определения геостратегической мощи – например, размеру экономики и военным расходам – эти две державы заметно опережают все остальные государства. Похожая картина получается и по большинству других релевантных показателей: инновационности, инвестиционным и производственным возможностям, распространенности дипломатического присутствия в мире, военно-техническому потенциалу и т. д.

> Однако эти цифры и их влияние на взаимное американо-китайское восприятие дополнительно (и достаточно уникально в историческом разрезе) осложняются фактором огромной взаимозависимости.

При всей разности и антагонистичности Пекин и Вашингтон настолько взаимосвязаны, что их осязаемые перспективы экономического и социального благополучия напрямую зависят друг от друга. В США китайское присутствие буквально повсеместно: от бесконечных товаров «Made in China» в супермаркетах и на онлайн-платформах до любой политической и общественной дискуссии, где фактор Китая имеет первичное значение. В КНР ситуация во многом зеркальная, пусть и с куда меньшим товарным присутствием США, но зато с доминирующим влиянием американских финансов.

С учетом этих очевидных обстоятельств на встрече с Салливаном председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что две державы должны «взять на себя ответственность перед историей, народами и миром, а также стать источниками стабильности глобального мира и двигателями общего развития». В чем-то похожие конструктивно-благожелательные тезисы звучали и от Салливана, смысл которых сводился к желанию договориться о некотором формате управляемой конкуренции в отношениях.

К сожалению, все эти благие декларации неизбежно попадают в историческую ловушку, из которой Вашингтон и Пекин пока не способны выбраться. По крайней мере, пока градус напряженности между ними еще недостаточно высок, а угрозы в области безопасности пока все же воспринимаются более гипотетически

отдаленными, чем близкими и реальными. И пока ни одна сторона не определилась с оптимальным для себя балансом враждебности и сотрудничества друг с другом.

Об этой ловушке мы уже писали. В литературе она получила название «ловушка Фукидида» и показывает, как в истории неоднократно проявлялась одна и та же закономерность в отношениях между существующим гегемоном и тем, кто воспринимается им как главный конкурент. Закономерность вела к нарастанию системных противоречий и часто к масштабной войне между ними.

Очевидно, что динамика американо-китайских отношений сегодня находится именно в такой ловушке. Все глубже в нее погружается. В результате мы наблюдаем, как взаимозависимость и сотрудничество активно сосуществуют с противоборством и стремлением нанести конкуренту как можно больший ущерб в отдельных сферах, ограничить возможности для развития. Притом последний компонент становится все более центральным. Почти каждую неделю приходят новости, которые подтверждают тенденцию.

Чего ждать?

Автор концепции «ловушка Фукидида», гарвардский профессор Грэм Эллисон, **проанализировал** конфликты великих держав за последние 500 лет и пришел к выводу, что лишь 16 из них полностью развивались в логике его концепции. Притом из них 12 привели к большой войне, а в четырех случаях геополитическим оппонентам удалось избежать прямого полномасштабного военного столкновения. Смогут ли Вашингтон и Пекин оформить пятый успешный исторический кейс – это, безусловно, главный вопрос современности. Но пока на него ответить невозможно.

Очевидно, что в идеальном сценарии обе стороны хотели бы избежать самого страшного, поэтому и говорят так много о дипломатии и сотрудничестве. На **пресс-конференции** по итогам визита сам Салливан акцентировал внимание на том, что это его первый визит в качестве советника по национальной безопасности. Вероятно, тем самым он хотел подчеркнуть важность «ответственного управления» отношениями с помощью дипломатии. Однако этот факт, скорее, говорит о другом.

> Если первый визит в Китай советника по национальной безопасности происходит лишь за несколько месяцев до истечения полномочий действующей администрации, то едва ли можно говорить, что дипломатия действительно работает эффективно и как главный приоритет.

Чтобы она заработала, уровень восприятия угроз, их реальности в обеих державах должен заметно возрасти. Говоря просто, должно существенно усилиться чувство страха по поводу возможного военного столкновения и его катастрофических последствий. Как мы знаем из прошлого, чувство страха и вызываемое им реалистичное отношение к действительности всегда становятся лучшим энерджайзером для дипломатии.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»